

УДК 882:378.147.34

**МИМИЧЕСКИЕ ЗНАКИ В СЕМИОСФЕРЕ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»**

Александр Исаакович Саркисов

доцент

asarkisov1957@me.com

Сергей Серафимович Кудрявкин

кандидат филологических наук, доцент

sks.filolog@mail.ru

Павел Сергеевич Кудрявкин

студент

Мичуринский государственный аграрный университет

Мичуринск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу знаковых маркеров в мимике героев романа Ф.М. Достоевского «Подросток», их интерпретации героями-реципиентами, а также связей знакового контента с идейно-художественным содержанием романа.

Ключевые слова: десигнат, знак-намек, законоситель, знак-признак, интерпретация, мимика, реципиент, семиология, семиотика.

Предлагаемые наблюдения являются продолжением предыдущей статьи «Семиосфера героев романа Ф.М. Достоевского "Подросток"». Но если в первой работе в центре исследования оказалась специфика восприятия героями романа окружающих их знаков, то в данной статье акцент сделан на рассмотрении знаковых маркеров в мимике героев.

Методологической базой предлагаемой работы по-прежнему выступают труды основателей и последователей тартуско-московской семиотической школы [См.: 2]

Как известно, внутреннее состояние человека, его мысли и намерения, нередко, как в зеркале, отражаются на его лице. Иногда не нужно быть глубоким психологом, чтобы прочитать написанное на лице твоего собеседника. Это вообще. Что же, в частности, касается героев Достоевского, то большинство из них, порой того и не сознавая, именно психологами и выступают. И хотя из всех главных героев пятикнижия («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы») Аркадий из «Подростка» наименее психологизирован, всё же это типичный герой Достоевского, со всеми вытекающими из этого способностями психологических наблюдений.

Так, глядя на лицо некоего Васина, Подросток замечает: *«Я заключил об вас давеча, по физиономии, что вы излишне тверды и несообщительны»* [1, Т.13, С.52]. *"По физиономии"* другого героя, Аркадий также выносит свое заключение: *«Вам очень дорог этот человек? – спросил Крафт с видимым и большим участием, которое я прочел на его лице в ту минуту»* [1, Т.13, С.60]. Не меньшими способностями читать по лицам обладает и Версилов, главный идеологический герой «Подростка». Вот, например, фрагмент его диалога с Аркадием: *«Я по лицу твоему угадываю, что у тебя в голове какое-то*

предприятие и что ты нуждаешься... в оборотном капитале... или вроде того. <...> Все секреты твои на твоём честном лице написаны...» [1, Т.13, С.89].

Таким образом, для одного героя лицо другого выступает знаком его внутреннего мира, мыслей и даже секретов. Пожалуй, лишь однажды Аркадий со злой иронией отнесется к чтению Версилова по лицам и съезвит: *«Ну, а я так по лицу Татьяны Павловны давно угадал, что она в меня влюблена. Не смотрите так зверски на меня, Татьяна Павловна, лучше смеяться...» [1, Т.13, С.91].* Явная ирония при этом может объясняться сомнениями в способностях Версилова. Ситуационный контекст, в котором произнесена процитированная фраза, свидетельствует об ее обусловленности все нарастающей злостью Подростка по отношению к Версилу. Аркадия раздражает в том числе и спокойная манера общения отца, и умение того читать по лицам. Однако важно то, что из иронии по адресу возможностей реципиента в частности, вовсе не следует мысль о недоверии к знаковости лиц вообще.

Более характерным для Аркадия должен считаться следующий пример. Подросток в очередной раз оценивает способность Версилова интерпретировать знаковый контент лиц. Замечание старшего героя *«Ты так хочешь жить и так жаждешь жить, что дай, кажется, тебе три жизни, тебе и тех будет мало: это у тебя на лице написано...»* было прокомментировано Аркадием с восхищением: *«...всё-таки как же знает он сущность моей природы, какой взгляд, какая угадка!» [1, Т.13, С.111].* Между тем степень удивления Аркадия все же свидетельствует и о сложности правильного чтения по лицам-знакам, своего рода кастовой избранности "чтецов" класса Версилова.

Степень сложности может обуславливаться принадлежностью знаков к таким двум типам, как знаки-намёки и знаки-признаки (по классификации А.Г. Циреса [См.: 4]). Намёк более конвенционален, образен; тогда как признак – более конкретен и точен, яснее и очевиднее привязан к закононосителю.

Пример знака-намёка можно обнаружить в том впечатлении, которое вызвал у Аркадия Версиков после девятилетней разлуки при встрече в Питере. *«Меньше тогдашнего блеску, менее внешности, даже изящного, но жизнь как бы оттикнула на этом лице нечто гораздо более любопытное прежнего»* [1, Т.13, С.17]. Знаком произошедших с героем событий опять выступает его лицо. Но в данном случае это неполный знак, не выражающий информацию определенно, но намекающий на ее наличие. Саму информацию следует уточнять по чему-либо другому, может быть, по каким-то иным знакам-признакам.

Знаки-признаки проще и понятнее. Вот, например, как всё тот же Подросток описывает лицо Лизы, своей сестры: *«Сестра была блондинка, светлая блондинка, совсем не в мать и не в отца волосами; но глаза, овал лица были почти как у матери. Нос очень прямой, небольшой и правильный...»* [1, Т.13, С.84]. Знаками матери являются здесь отдельные черты лица: глаза, нос, форма лица; в целом же – вновь возможно говорить о знаковости-признаковости лица.

Признак, "читаемый" на лице той же героини Версиковым, менее очевиден. Это знак "для немногих", и расшифровать его информацию способен только названный герой. Комментируя Аркадию фотопортрет Софьи Андреевны, Версиков замечает: *«Этот снимок сделан хоть и не так давно, а всё же она была тогда моложе и лучше собою; а между тем уж и тогда были эти впалые щеки, эти морщинки на лбу... <...> Эти впалые щеки – это тоже в меня ушедшая красота, в мою коротенькую потеху»* [1, Т.13, С.370]. Знаком-признаком красоты, ушедшей в Версикова, а стало быть, и непростой любви к этому человеку, тяжести прошедшего, становятся, таким образом, впалые щеки героини.

Однако чаще знаковая суть лица выражается в его "поведении", а не в тех или иных чертах. Так, особенности мимики позволяют героям судить о состоянии друг друга. Один из наиболее ярких примеров – описание Аркадием реакции князя Сережи на согласие Анны Андреевны выйти замуж за Николая Ивановича: *«Не могу выразить, какое болезненное впечатление произвело на*

него это известие; лицо его исказилось, как бы перекопилось, кривая улыбка судорожно стянула губы; под конец он ужасно побледнел и глубоко задумался, потупив глаза. Я вдруг слишком ясно увидел, что самолюбие его было страшно поражено вчерашним отказом Анны Андреевны» [1, Т.13, С.250].

Способен Аркадий "читать" и менее открытые мимические знаки. Вот фрагмент разговора Подростка с Васиным о некоем Стебелькове: *«Мне только захотелось сделать намек и посмотреть по лицу, по глазам, знает ли он что-нибудь про акции? Я достиг цели: по неуловимому и мгновенному движению в лице его я догадался, что ему, может быть, и тут кое-что известно» [1, Т.13, С.253].* Как видно, знаковый характер здесь приобрело *неуловимое и мгновенное движение в лице*, не ускользнувшее все же от внимательного и догадливого реципиента.

Свои пронизательность и способность читать по лицам Аркадий продемонстрировал и покидая комнату "для вытрезвления". Во взглядах обслуживающего персонала он « с удовольствием прочел даже некоторое удивление к человеку, умевшему даже в таком положении не потерять своего достоинства» [1, Т.13, С.438].

В правильности своих трактовок Подросток уверен далеко не всегда. Доля сомнений присутствует, например, в следующей оценке Аркадием изменений, происходящих с лицом Версилова: *«И как он побледнел! И что же: эта бледность, может быть, была выражением самого искреннего и чистого чувства и самой глубокой горести, а не злости и не обиды...» [1, Т.13, С.111].* Но не исключаемая вариативность интерпретаций "поведения" лица вовсе не исключает его, этого "поведения", знаковости.

Но иногда по лицу реципиент может даже реконструировать внутреннюю речь своего визави. Что и делает Аркадий в одну из встреч с Катериной Николаевной: *«... ни насмешки, ни гнева в ее лице, а была лишь ее светлая, веселая улыбка и какая-то усиленная шаловливость в выражении лица, – ее всегдашнее выражение, впрочем, – шаловливость почти детская. "Вот*

видишь, я тебя поймала всего; ну, что ты теперь скажешь?" – как бы говорило всё ее лицо» [1, Т.13, С.201].

Последний пример также принципиально симптоматичен. Главным опознавательным средством подлинной сущности такого "непонятого" и трудноопределяемого персонажа, как Ахмакова, становится именно знак – ее лицо. Конкретнее, улыбка (мимика) и особенности выражения (та же мимика) лица – вот те знаки-признаки поведения, по которым Аркадий раскрывает читателю романа, по сути, авторскую оценку героини.

В некоторых случаях затруднения реципиента обусловлены не проблемами расшифровки информации знака, а формулировкой воспринятого контента. Вот, например, как Аркадий однажды охарактеризует улыбку Версилова: *«Он блаженно улыбнулся, хотя в улыбке его и отразилось как бы что-то страдальческое или, лучше сказать, что-то гуманное, высшее... не умею я этого высказать...» [1, Т.13, С.370].* Подросток сетует не на понимание знаковой сути улыбки отца, а на собственную неспособность эту суть выразить. Знак не "прочитан", а осознан на некоем иррациональном уровне, точная вербальная идентификация семантики которого невозможна.

Не случайно герои романа при определении действий по распознаванию "написанного" на лицах друг друга (напомним: *«Все секреты твои на твоём честном лице написаны...» [1, Т.13, С.89]; «...это у тебя на лице написано...» [1, Т.13, С.111]*) "рациональный" глагол "читать" практически не используют, предпочитая ему "иррациональный" глагол "угадывать" (*«Я по лицу твоему угадываю...» [1, Т.13, С.89]; «...я так по лицу Татьяны Павловны давно угадал...» [1, Т.13, С.91]; «...как же знает он сущность моей природы, <...> какая угадка!» [1, Т.13, С.111]; «...по <...> движению в лице его я догадался...» [1, Т.13, С.253]*»).

Таким образом, правильное понимание контента знакового "поведения" лица может достигаться двумя способами: рассудочно-логическим, основанным на общем знании о десигнате и личном опыте самого реципиента; а также чисто интуитивным. При этом второй способ познания для героев «Подростка»

оказывается наиболее характерным и связанным со спецификой художественного метода писателя.

В качестве подтверждения приведем следующий характерный пример. Аркадий был весьма удивлен тем, что его старшая сестра не смогла сразу распознать подлинную натуру бесчестного Ламберта. *«Правда, он был одет прекрасно, говорил по-парижски и носил французскую фамилию, но ведь не могла же Анна Андреевна не разглядеть в нем тотчас же мошенника?»* [1, Т.13, С.325]. Подросток как бы намеренно акцентирует внимание на многочисленных знаках респектабельности Ламберта: одежда, выговор, фамилия... Так почему же Анна Андреевна должна была *тотчас* "угадать" в нем *"открытого подлеца и разбойника"*? В свете темы завершаемой статьи было бы соблазнительно и, думается, не совсем неверно, предположить нечто знаковое в лице героя. Недаром однажды Аркадий сравнит его лицо с маской. Но дело в данном случае не только и столько в этом.

Достоевский, как известно, называл себя писателем высших реальностей, что позволяет некоторым исследователям определять его художественный метод как высший реализм [См.: 3]. Следовательно, всё материальное есть проекция идеальных сущностей, являющихся всё в тех же знаках. Однако знаки эти могут иметь иногда некий нематериальный характер: быть неопределенно-неуловимыми, чем-то вроде "таинственных посетителей" из элегии В.А. Жуковского. С точки зрения Подростка, столь высокодуховный реципиент, к которым он относит Анну Андреевну (как, кстати, и себя), должен не только понимать приоритет нематериального типа знаков, но и интуитивно (иррационально) их чувствовать. Отсюда и искреннее недоумение Подростка, типичного героя Достоевского: как можно "читать" второстепенное и не видеть главное!

Список литературы:

1. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972 – 1988.

2. Лотман Ю.М. Семиосфера – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 704 с.; Почепцов, Г.Г. Русская семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.:«Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 768 с.; Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – М.:«Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2002. – 432 с.; Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академ.проект, 2001. – 702 с.; Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 443 с.

3. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.

4. Цирес А.Г. Язык портретного изображения // Искусство портрета / Под ред. А.Г. Грабичевского. –М.: ГАХН, 1927. – 214 с.

UDC 882:378.147.34

MIMIC SIGNS IN THE SEMIOSPHERE ROMANA F.M.

DOSTOYEVSKY "TEENAGER"

Alexander I. Sarkisov

Associate Professor

Sergey S. Kudryavkin

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Pavel S. Kudryavkin

student

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of iconic markers in the facial expressions of the heroes of the novel by F.M. Dostoevsky's "The Teenager", their interpretation by the heroes-recipients, as well as the connections of the iconic content with the ideological and artistic content of the novel.

Key words: designatum, sign-hint, sign-bearer, sign-sign, interpretation, facial expressions, recipient, semiology, semiotics.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 25.03.2022. The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 25.03.2022.